

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В АНТРОПОЛОГИИ

Научная статья

УДК 316.7

doi: 10.17223/2312461X/47/2

Между эмным и этным: методология исследования неопределенности в российской Арктике

Кирилл Владимирович Истомин¹
Елена Владимировна Лярская²
Валерия Владиславовна Васильева³

^{1, 2, 3} *Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *kistomin@eu.spb.ru*

² *rica@eu.spb.ru*

³ *vvasilyeva@eu.spb.ru*

Аннотация. В ходе этнографической полевой работы нередко ситуации, когда эмные понятия, обнаруживаемые исследователем-антропологом в поле, не совпадают с положенными в основу его исследовательского проекта этными понятиями. Поскольку цель этнографического поля – дать описание эмной реальности информантов, подобные ситуации могут создавать значительные сложности, особенно если оказывается, что в эмной реальности не определяется или определяется совершенно иначе сам объект исследования. В настоящей работе мы делимся опытом разрешения такой проблемы, возникшей при полевом исследовании неопределенности в рамках проекта ««Земля храбрых»: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике». Проанализировав теоретические подходы к дихотомии эмного и этного, мы разработали три инструмента для полевого исследования: 1) переформулировка нашего этного понятия «неопределенность» в эмных терминах; 2) поиск эмного значения понятия «неопределенность» и соотнесение его с этным; 3) со-конструирование понятия – провоцирование информанта на трактовку слова «неопределенность» и формулировку своего понимания данного слова. Применение этих инструментов позволило не только установить, что неопределенность в нашем понимании может не восприниматься информантами как проблема, но и выяснить, что для информантов, имеющих собственное понимание неопределенности, характерна трактовка этого понятия на двух разных уровнях: глобальном и личном. Актуальный круг значений для наших информантов связан именно с личным уровнем: неопределенность для них направлена не на ситуацию, а на ощущение себя в возникших обстоятельствах. Неопределенность может быть связана с моральной оценкой и эмоциональным отношением к переживанию этого чувства самим говорящим и другими людьми. Помимо этого, вопрос о неопределенности оказался инструментом, позволяющим вскрыть пласт представлений об агентности, к которым было довольно трудно подобраться иными путями. Можно предположить, что со-конструирование с информантом понятия (объекта исследования), которое, по нашему мнению, нередко случается в поле, позволяет проблематизировать саму дихотомию эмного и этного. Мето-

дологические инструменты, сформулированные в ходе работы с понятием «неопределенность», имеют более широкую теоретическую значимость и применимы для исследования других сложных понятий. Кроме того, неопределенность является стандартным понятием в социологии и экономике: в этих науках феномен неопределенности принимается во внимание при анализе и влияет на его результаты. Антропология дополняет этот анализ описанием того, как люди «на земле» осмысливают и чувствуют неопределенность, принимают ее во внимание и, таким образом, существенно уточняют, как и почему неопределенность влияет или не влияет на поведение.

Ключевые слова: методология, неопределенность, эмный, этный, эмический, российская Арктика, Север, планирование, агентность

Благодарности: статья написана в рамках проекта РНФ № 22-18-00238 «“Земля храбрых”: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике».

Для цитирования: Истомин К.В., Лярская Е.В., Васильева В.В. Между эмным и этным: методология исследования неопределенности в российской Арктике // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 12–48. doi: 10.17223/2312461X/47/2

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/2

Between the Emics and the Etics: Methodology for Studying Uncertainty in the Russian Arctic

Kirill V. Istomin¹, Elena V. Liarskaya², Valeria V. Vasilyeva³

^{1, 2, 3} *European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *kistomin@eu.spb.ru*

² *rica@eu.spb.ru*

³ *vvasilyeva@eu.spb.ru*

Abstract. In ethnographic fieldwork, one often encounters situations when emic concepts picked up by an anthropologists from his/her informants do not coincide with the etic concepts he/she used when formulated his/her research project. Since any ethnography should aim at describing emic reality, situations like these can create significant difficulties. This is particularly true if the very object of research either does not exist in the emic reality at all or takes a very different meaning there. In this paper, we share our experience of dealing with such a problem, which we encountered studying uncertainty in the framework of the project ““The Land of the Brave”: Coping with Uncertainty of the Social and Natural Environment in the Russian Arctic”. Having reviewed theoretical approaches to the etic/emic dichotomy, we came out with three “tools” that we could use in our field: 1) re-defining of our etic notion of uncertainty in emic terms; 2) searching for emic meaning of uncertainty and relating it to the etic one; 3) co-constructing the notion – provoking our informants to engage with the word “uncertainty” and to construct his/her own understanding of it. By the means of these tools, we could establish not only that the uncertainty in our sense could be perceived by our informants as unproblematic, but also that those informants, who did have their own (emic) understanding of the concept, understood it on two levels: global and personal.

Their active sense of the uncertainty was related to the personal level: their uncertainty referred not to the situation per se, but to their personal feelings in that situation. The emic uncertainty could include a moral assessment (and corresponding emotional reaction) to that feeling as experienced by the informant him/herself or by other people. The questions about uncertainty turned out to be a tool capable of uncovering a new layer of beliefs about human subjectivity and agency, which would be difficult to discover otherwise. It can be suggested that the co-constructing a notion (research object) with an informant – something that, in our opinion, happens rather often in a field – problematizes the emic/etic dichotomy itself. The fieldwork “tools” we have designed to work with the notion of uncertainty have a wider significance and can be allied to study other complex notions in the field. Besides that, the concept of uncertainty is currently in active use in sociology and economics: in these disciplines, the phenomenon of uncertainty is taken into account in analysis and influences its results. Anthropology can contribute to this analysis its description of how uncertainty is understood or not understood, felt, taken or not taken into consideration by people “on the ground”. This can potentially clarify how and why uncertainty influences (or does not influence) human behaviour.

Keywords: Methodology, uncertainty, emic, etic, emical, Russian Arctic, North, planning, agency

Acknowledgements: This research was supported by the grant # 22-18-00238 «“The Land of the Brave”: Coping with Uncertainty of the Social and Natural Environment in the Russian Arctic» of the Russian Science Foundation.

For citation: Istomin, K.V., Liarskaya, E.V. & Vasilyeva, V.V. (2025) Between the Emics and the Etics: Methodology for Studying Uncertainty in the Russian Arctic. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 12–48. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/2

Введение

Настоящая работа стала результатом анализа ряда методологических сложностей, встреченных нами в ходе полевых исследований по проекту «“Земля храбрых”: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике». Эти сложности и наш опыт работы с ними может представлять интерес для наших коллег потому, что они касаются одного из центральных положений современной антропологии: утверждения, что основная задача полевого этнографического исследования – это «пробраться в голову» информанта и увидеть мир «его глазами» (Michrina, Richards 1996). Действительно, современная антропология очень по-платоновски трактует воспринимаемую полевым исследователем реальность – по крайней мере, в той ее части, в какой эта реальность является социальной, т.е. человеческое поведение, изделия ручного труда, социальные институты, антропогенные ландшафты и т.д. и т.п. – как несовершенное отражение мира идей (Harris 1999). Хотя эти идеи пребывают не на «хребте неба», а существуют «во дворе дома, на рынке, на городской площади» (Geertz 1973: 45), путь к познанию отражений, в полном согласии с учением

Платона, лежит исключительно через них. История антропологии показывает, что такой взгляд на социальную реальность и на ее познание получил всеобщее распространение относительно недавно (см. например, Harris 1979). Тем не менее для современного антрополога очевидно, что задача полевой этнографии – давать эмные описания в эмных терминах. Анализ этих описаний может происходить в более широких концептуальных рамках¹, но материал для него должен быть именно таким.

Основная идея, на которой строился наш проект, состояла в том, что экономико-географические, климатические и социальные особенности арктического региона (разреженная инфраструктура, склонная к «поломкам», суровый и изменчивый климат, малозаселенность) создают в жизни его обитателей гораздо больший уровень неопределенности, чем в жизни обитателей более южных и освоенных регионов. Жизнь в условиях неопределённости должна была, по нашему мнению, заставить северян вырабатывать способы ее преодоления и адаптации к ней, а изучение этих способов, а также особенностей восприятия неопределенности как таковой могло существенно обогатить антропологическую теорию, показав, как на «подходы людей к делу проживания своих жизней» (человеческую культуру, «человеческое состояние») влияют не только *существующие* условия и факторы (что, так или иначе, исследовалось и исследуется многими), но и *потенциальные* условия и факторы (о чем мы знаем в гораздо меньшей степени). Нам казалось, что исследовать роль возможного в человеческой жизни гораздо лучше через понятие неопределенности, чем через понятие риска, как это обычно делается в социальных и экономических науках, не только потому, что неопределённость, в отличие от риска, связана как с потенциальными проблемами, так и с потенциальными благами, но и потому, что неопределенность гораздо более субъективна, чем риск (тракуемый обычно как объективный и исчисляемый фактор) и вполне может представлять собой субъективное восприятие последнего. Это делало неопределенность интересным объектом исследования, который лишь антропология в состоянии «осилить» (подробнее см. Истомин, Вахтин 2022).

В конце 2022 г. мы начали полевые исследования, цель которых – взглянуть на неопределенность глазами информантов. Разумеется, мы полностью осознавали, что понятие «неопределенность», как всякое иное понятие, может различаться от группы к группе и от «культуры» к «культуре». Так, например, в английском языке слово «uncertainty», считающееся ближайшим переводом русского «неопределенность», может означать как неясность (восприятия) текущей ситуации и ее будущего развития, так и неясность, связанную с выбором курса собственных действий или манеры поведения (то, что по-русски обычно обозначается словом «неуверенность»). Это хорошо видно из англоязычных исследований неопределенности, начиная с классического «The Quest for

Certainty» Джона Дьюи (Dewey 1929), посвященного скорее неуверенности, чем неопределенности в нашем смысле слова, и заканчивая современными этнографиями, описывающими как неясность ситуации, так и неясность того, как поступать в ясной ситуации (см., например, *Social Theories of Risk...* 2008; *Modes of Uncertainty...* 2015).

Современные работы разнятся в отношении проблематизации категории неопределенности и рефлексии по поводу методологических подходов для ее исследования. Во многих случаях это продиктовано самим полем: к примеру, климатологи (Глобальное потепление... 2024), создатели беспилотных автомобилей (Кузнецов, Руденко 2021), и физики-ядерщики (Петров 2024) используют категории неопределенности и риска как операциональные. В научной деятельности глубоко укоренен современный дискурс, обретший свою нынешнюю конфигурацию в связи с историей математической статистики, проникший в сферу менеджмента, страхования и инвестиций (Bernstein 1996) и благодаря этому распространившийся практически на все области современной жизни (Porter 1986, 1996). Однако, когда исследование выходит за рамки профессиональных сообществ, говорить об укорененности этого дискурса оказывается значительно сложнее. Термин проникает в повседневную речь через СМИ и маркирует официально-деловой регистр в речи образованных горожан (Карасёва 2024) и действительно может оказаться актуальным для определенных групп в некоторых контекстах (Функ 2024)². Однако во многих случаях он отсутствует в активном словаре информантов, и трудно говорить о том, каким образом сформирован круг приписываемых ему значений. Методологические трудности исследования подобных понятий оказались в фокусе внимания монографии под редакцией Матеаса Пелкманса (Pelkmans 2013), посвященной этнографии сомнения. Пелкманс отмечал, что сам факт артикуляции сомнения упорядочивает и таким образом искажает его. По мнению авторов подборки, единственным возможным методом исследования может быть включенное наблюдение – попытка уловить это переживание в активной фазе. Помимо невозможности полного преодоления ограничений метода, признаваемой самим Пелкмансом («мы наблюдаем уже то, на что люди решились» (Там же: 32)), стоит также проблематизировать саму категоризацию наблюдаемого как сомнения – совпадают ли исследовательский взгляд и реальное эмоциональное переживание информанта? С нашей точки зрения, именно попытка реконструировать эмную позицию информанта представляет наибольшую проблему.

Цель настоящей работы – предложить, исходя из нашего опыта, несколько типов инструментария для полевого исследования понятия «неопределенность» и обсудить методологические последствия выбора каждого такого типа в свете дихотомии этного и эмного.

Пилотная часть исследования была проведена в 2022 г. в Воркуте (К.В. Истомин). Полученный там опыт сопоставления эмного и этного подходов к изучению неопределенности использовался во время полевых исследований в Индиге (2023, К.В. Истомин и Е.В. Лярская) и в Попигае (2024, В.В. Васильева). Хотя некоторые разделы этой статьи проиллюстрированы материалами, собранными только в одном населенном пункте, наш анализ базируется на всем корпусе полученных данных, а рассматриваемые здесь явления оказались общими для всех трех локаций.

Несколько слов о местах, где проводилась полевая работа

Воркута (Республика Коми) – крупная городская агломерация, стремительно теряющая население³. Несмотря на то что будущее агломерации, с точки зрения горожан, находится под вопросом, Воркута со своей железной дорогой и аэропортом, способным принимать большие самолеты, – крупный промышленный и логистический центр Арктики. Население города разнообразно в социальном и культурном отношении. Градообразующим предприятием Воркуты является комбинат «Воркутауголь». Незадолго до начала полевой работы в городе было объявлено о продаже этого предприятия новому владельцу – малоизвестной на тот момент компании «Русская энергия» с очень небольшим уставным капиталом. В период полевой работы эта сделка все еще активно обсуждалась в городе и служила источником беспокойства и неуверенности его жителей. Исследования проводились как непосредственно в городе Воркута, так и в двух наиболее крупных шахтерских поселках агломерации – Воргашоре и Северном.

В поселке Индига (НАО) проживает около 600 человек. Здесь нет не только центрального водоснабжения, но и пресной воды – люди привозят ее себе сами. В поселке печное отопление (топят углем, привозимым с Большой земли), до него нет постоянной наземной дороги. Есть предприятие – наследник советского совхоза с некрupным (около 4 000 голов) поголовьем оленей, небольшая школа, детский сад, поликлиника с фельдшерами, Дом культуры и несколько магазинов. Основной вид официального трудоустройства – работа в социальной сфере, но главное занятие населения (независимо от наличия официальной работы) – рыболовство. Важная особенность Индиги – смешанное население, состоящее из потомков ненцев и коми-оленьеводов, поморов, спецпереселенцев, детей военных, осевших в поселке, и тех, кто в разное время приехал сюда работать. Среди наших собеседников, наряду с людьми, выросшими в поселке и его окрестностях, были те, кто приехал из Калмыкии, Новосибирской, Архангельской областей, Грузии и т.д. Все наши собеседники проживали в поселке пять лет и более. Многие имеют родствен-

ников за пределами региона, все выезжают в отпуска, у многих есть жилье в Петербурге, в Нарьян-Маре, в Псковской области и др. Население поселка имеет ясные представления о жизни за пределами Индиги и опыт проживания вне поселка.

В отличие от мозаичного населения Воркуты и Индиги, население Восточного Таймыра (Красноярский край) почти полностью моноэтночно – в нем проживают в основном долганы. Практически все жители поселка Попигай родились и выросли там, уезжая только на период обучения в средней школе, службы в армии и для получения высшего образования. Как и Индига, поселок не имеет каких-либо производственных предприятий, трудоустройство возможно лишь в бюджетном секторе. В регионе сохранились буквально остатки оленеводства, основным занятием населения являются промыслы – рыболовство и охота на дикого оленя. К Попигаю не ведут постоянные дороги, затруднено и водное сообщение. Связь с районным центром в холодное время года осуществляется только вертолетом. Местные жители, как и в Индиге, крайне мобильны, регулярно бывают в крупных городах региона и за его пределами, где живут их родственники и друзья.

Таким образом, население в исследованных локациях заметно различается по составу, однако их объединяет то, что обитатели этих населенных пунктов не живут изолированно от внешнего мира, а, напротив, поддерживают с ним интенсивные связи.

В чем святость священных концепций? Из истории эмного и этного

Для начала кратко остановимся на истории дихотомии эмного и этного в антропологии, чтобы показать истоки и основания представления о том, что антрополог должен изучать эмную реальность, следуя эмным категориям. Как в свое время пошутил Геральд Маррей, одиннадцатая заповедь Библии гласит: «Thou shalt not mix thy emics and thy etics in thy analysis of human social life»⁴ (Murray 1990: 144). Однако есть смысл поинтересоваться, когда и при каких обстоятельствах она была ниспослана.

Широко известно, что понятия эмного и этного были впервые введены Кеннетом Пайком⁵ в труде «Language in Relation to the Unified Theory of the Structure of Human Behavior» (впервые издан в 1954 г.⁶). В нем Пайк демонстрирует условность и, во многих отношениях, бессмысленность различения языкового и неязыкового поведения человека и пытается наметить принципы описания и анализа, применимые к обоим этим формам поведения, опираясь на теоретические и концептуальные достижения лингвистики, в ту пору куда более значительные, чем у антропологии (Pike 1967). Различие между эмным (emic) и этным (etic) в этом труде является переносом на неязыковую сферу различия

между фонемой (phonemic unit) и звуком (phonetic unit): с точки зрения говорящего и слушающего речь – это последовательность звуков, но с точки зрения структуры языка она состоит из *фонем* (смыслоразличительных единиц), различающихся между собой по некоему принципу контрастирования, присущему именно этому языку. Только освоив, сознательно или бессознательно, этот принцип, иноязычный слушатель сможет услышать речь так, как слышит ее носитель. Пайк считал, что аналогичным образом люди воспринимают и мир – не как хаотичный поток впечатлений, но сквозь призму эмной системы, структурирующей этот поток. Только через освоение этой эмной системы исследователь может понять и проанализировать поведение членов сообщества.

Труд Пайка породил две основные школы в англоязычной антропологии, развитие которых и дискуссия между которыми и составила историю этой науки со второй половины 1960-х по конец 1980-х гг.: (а) так называемую новую этнографию (из нее позже выделилась этнонаука (ethnoscience) и когнитивная антропология с примыкавшей к ней кросс-культурной психологией Бэрри) и (б) культурный материализм, близкий различным течениям экологической антропологии. Несмотря на то что исследователи внутри этих школ часто резко расходились по тематике исследований, методам и теоретическим воззрениям, их объединяло общее представление о цели антропологических исследований. Так, представители новой этнографии полностью приняли посыл Кеннета Пайка о том, что ключ к пониманию культур и межкультурных различий лежит в освоении эмных систем. Роль этного восприятия и этных описаний в их представлении сводилась лишь к подготовке исследователя к пониманию эмных систем, точно так же как лингвист, встретив новый язык, должен вычленил и каталогизировать его звуки прежде, чем объединить эти звуки в фонемы. Напротив, представители культурного материализма были убеждены, что социальные институты и модели поведения определяются материальными/природными факторами (социальноэкономическими отношениями, адаптацией к природной среде) или собственными законами развития, существующими вне и помимо сознания индивидов, а «содержимое голов» носителей культур определяется – полностью или, по крайней мере, в большой степени – их социальным и материальным бытием. Разумеется, культурных материалистов взгляд на мир глазами носителей культуры также интересовал, однако не объяснял культурное поведение и культурные различия, а скорее сам подлежал объяснению исходя из особенностей социальной и культурной среды. Для них, таким образом, цели антропологического исследования не могли сводиться к эмному описанию; перед исследователем стояла задача дать как эмное, так и этное описание жизни исследуемой группы и показать, как первое определяет второе (для крайних материалистов, например марксистов) или как они взаимоопределяют друг друга (для более умеренных материалистов (Harris 1979)).

Интересно, что начиная с конца 1970-х гг. дискуссия между двумя школами велась не столько по общемировоззренческим вопросам, которые, как кажется, их разделяли, а именно по методологическим вопросам о соотношении эмного и этного (Harris 1999). Накал этой дискуссии, ныне основательно забытой, нарастал, пока не вылился в знаменитые публичные дебаты между Кеннетом Пайком и последним из «великих» представителей культурного материализма Марвином Харрисом, прошедшие 19 ноября 1988 г. в рамках 87-й ежегодной конференции Американской антропологической ассоциации. Эти дебаты казались в то время настолько важными, что их подробное описание и реплики с обеих сторон были изданы специальной книгой (Emics and Etics... 1990). Кажется, что их значение и правда велико: это был, по сути, последний бой, который старая антропология, претендовавшая на то, чтобы стать номотетической наукой, дала наступающему интерпретативизму. Самое главное, однако, что, хотя спор формально не кончился победой ни одной из сторон (как, собственно, и все антропологические дебаты), именно после него взгляд на эмное описание как на основную цель и продукт антропологического полевого исследования занял господствующее положение в дисциплине.

Анализ позиций и аргументов участников почти тридцатилетнего спора показывает, однако, значительное несовпадение содержаний понятий эмного и этного, о которых они вели дискуссию, и современного их понимания. Это несовпадение особенно заметно на примере категорий, в которых строятся эмные описания. Для Пайка и его сторонников понятие «эмное» всегда носило явные следы своего лингвистического происхождения: примером *par excellence* такого описания для них оставалось описание фонемной системы языка. Разумеется, при таком понимании и речи быть не могло о том, чтобы описания непременно давались в эмных понятиях, относились к чему-то осознаваемому носителем культуры как эмная категория либо вообще были ему понятны. Сам Пайк настаивал, что продуктом эмного исследования должно стать описание структуры, определяющей восприятие информантом окружающего мира и его деятельность (поведение) в нем, и посвятил целый раздел главы рассуждению о природе (онтологическом статусе) такой структуры (Pike 1967: 55–59), в котором он отвергает мысль, что такая структура является конструктором исследователя, – по словам Пайка, она не создается, а открывается исследователем (*discovered by the analyst, not created by him*) в собранных полевых материалах и именно этим отличается от этной структуры, которая создается исследователем и накладывается им на полевой материал (Там же: 55). Чуть позже он признается, что на его взгляды на статус эмной структуры и процедуры ее открытия оказал влияние его теизм (Пайк был глубоко верующим человеком и известным переводчиком Библии на языки коренных народов Америки), который

вселяет в него уверенность в существование в любом явлении скрытого порядка и структуры, независящих от наблюдателя, и возможность для тщательного наблюдателя эту структуру обнаружить (Pike 1967: 59). Пайк посвящает остаток главы различным способам обнаружить такую структуру, например, обращая внимание на сложности и ошибки информантов при освоении чуждых им «систем» поведения и речи. При этом возможность, что искомая структура может в какой-то форме осознаваться ее носителем и о ней можно просто спросить, даже не обсуждается.

Взгляд на эмное как на нечто, что необходимо «открыть» в поведении и словах носителя культуры, но что самим носителем не осознается и не понимается, получает дальнейшее подтверждение в прямой ссылке (в издании 1967 г.) на «тест Гуденафа» как на процедуру валидации этнографических эмных описаний (Pike 1967: 71). Уорд Гуденаф, один из основателей «новой этнографии» и наиболее ранних последователей Пайка среди культурных антропологов, считал, что культура – это «то, что нужно знать и во что нужно верить, чтобы вести себя приемлемым [для сообщества носителей культуры] образом» (Goodenough 1957: 167). Отсюда эмное описание культуры понималось им как описание системы стандартов и ожиданий относительно того, как следует вести себя в отношении друг друга (Goodenough 1970: 98). Поскольку, по мнению Гуденафа, преобладающая часть таких стандартов и ожиданий не формулируется сознательно, поведение, несоответствующее им, просто кажется носителям культуры странным или некрасивым (неприемлемым), хотя они вряд ли могли бы сказать почему – их описание не может быть достигнуто или проверено просто путем интервью. Критерием корректности эмного описания (тест Гуденафа) служит наша способность, руководствуясь таким описанием, вести себя так, чтобы наше поведение казалось информантам естественным и приемлемым и вызывало ожидаемую нами реакцию с их стороны: «Если, поступая в соответствии со стандартами, приписываемыми мною жителям острова Трук, я смогу вести себя так, что жители примут мое поведение как истинно трукское, то мое описание этих стандартов представляет собой удовлетворительное описание того, что мы называем “трукской культурой”» (Там же: 99). Ту же логику мы обнаруживаем и у Клода Леви-Стросса, который считал структуралистские описания культуры – в терминах бинарных оппозиций, например, – эмными, отнюдь не смущаясь, что такие описания могут быть непонятны информантам и даже отрицаться ими; именно такой взгляд на эмность и породил его знаменитое утверждение, что «природа вещей эмна, а не этна» (Levi-Strauss 1973: 21).

Иными словами, «классикам» культурной антропологии, выдвинувшим и отстаивавшим идею, что продуктом антропологического полевого исследования должно быть эмное описание, было полностью чуждо мнение, что оно должно быть дано исключительно в эмных понятиях.

Даже то, что такое описание должно быть понятно для представителей изучаемых сообществ (и вызывать их согласие), лишь допускалось, а не требовалось. Этот факт хорошо виден из определения эмного, сформулированного для антиматериалистической школы Марвином Харрисом, с которым Пайк, сам так и не давший четкого определения этому понятию, полностью согласился: «Эмные утверждения описывают логико-эмпирические системы, феноменологические структуры которых построены на контрастах и различиях (*discriminations*), которые носители этих систем считают правильными, действительными, осмысленными, существующими, либо в какой-то иной форме выражают свое согласие с ними» (Harris 2001: 571).

Гораздо более знакомым для нас является понимание антиматериалистами этного. У Пайка это понятие является простым обращением понятия эмного. Иначе говоря, оно относится к логико-эмпирическим системам, основанным на различиях, значимых для наблюдателя, а не для наблюдаемого. В своем труде Пайк многократно подчеркивает, что происхождение этной структуры наблюдателя не важно. Так, у наблюдателей, не получивших специального образования, структура, с которой они подходят к анализу звуков чужого языка, скорее всего, будет продиктована их родным языком. С другой стороны, специально подготовленные полевые лингвисты могут использовать для описания таких звуков полученные ими знания, например универсальный фонетический алфавит (Pike 1967: 46–47). Однако описание звуков чужого языка, делается ли оно с точки зрения фонемной системы родного языка или с точки зрения универсального алфавита, остается этным и рассматривается Пайком как первая ступень к формированию эмного описания – конечной цели антропологического поля. Ценность этного описания, таким образом, определяется тем, насколько легко перейти от него к эмному. Сходных взглядов на место этного описания в исследовании придерживались и другие исследователи антиматериалистического лагеря, например, У. Гуденаф (Goodenough 1970: 113–119) и Дж. Бэрри (Berry 1990). Логично, что при таком подходе вопрос о корректности этных описаний и процедурах их валидации просто не ставился.

Для сторонников материалистической школы различие между эмным и этным строились на совершенно другой основе. Харрис (Harris 1979) и его сторонники выводили его прежде всего из способа валидации: эмные описания являются верными или не верными на основе их соответствия или несоответствия взгляду носителя культуры (тест согласия Харриса), в то время как этные описания являются верными или неверными на основе процедур и требований, принятых в позитивистской науке (фальсифицируемости, эмпирической проверки, воспроизводимости). Таким образом, для материалистов назвать некое описание эмным значило утвер-

ждать, что это описание 1) может быть представлено информанту и понято им и 2) информант с ним согласится. Первое требование, как можно легко понять, исключает возможность считать эмными, например, структуралистские описания в духе Леви-Стросса. Что касается этного, то материалисты (и особенно сам Харрис) регулярно определяли его как «взгляд науки» или «взгляд научного сообщества» и настаивали на его привилегированном положении по отношению к эмному (Harris 1990).

Именно последнее обстоятельство и определило в конечном итоге их «проигрыш» в споре. Действительно, основными аргументами антиматериалистической стороны стало то, что материалисты вообще и Харрис в частности 1) присваивают себе привилегированный взгляд на культуру по сравнению с ее носителями на том основании, что обладают доступом не только к эмным, но и к этным (в их понимании, «научным», «объективным») ее описаниям, и 2) считают на этом основании себя вправе, используя эмное описание, «поверять корректность» мнения носителей о своей культуре, объявлять его правильным или ошибочным и посвящать целые исследования тому, как так получилось, что носители культуры имеют превратное представление о своей жизни. В эпоху стремительного нарастания антиколониального движения и активистской антропологии эти обвинения и правда звучали серьезно – более серьезно, чем аргументы Харриса и его сторонников, сводящиеся в общем и целом к тому, что стремление к исключительно эмным полевым описаниям делает невозможным сравнительные и диахронные исследования в антропологии и исключает возможность для этой дисциплины стать номотетической наукой. Интересно, что именно для того, чтобы показать неоправданность этих аргументов, Пайк (Pike 1990) и подчеркивал возможность эмных описаний в неэмных терминах, что, по его мнению, открывало пути для сравнения. Следует заметить, впрочем, что объектом критики в споре стала не оправданность этных полевых описаний для антропологии, а скорее значение, приписываемое таким описаниям в дальнейшем анализе (например, допущение, что информанты имеют превратное представление о своей культуре). Тем не менее ход спора и выдвинутые в его ходе аргументы вполне объясняют, почему харрисово определение этного как научного (или просто основанного на научных критериях истины) этот спор не пережило: для современной антропологии характерно понимание этного как «эмного для наблюдателя», т.е. нечто близкое к классическому определению Пайка. Именно такое понимание этного было повторено, например, Маршалом Саллинзом в последней из известных нам публикаций о дихотомии эмного и этного (Sahlins 2017) и дало ему право утверждать, что «в антропологии существует лишь эмное». С понятием эмного, однако, произошло нечто гораздо более странное: по причинам, определить которые мы затрудня-

емя, понимание эмного в современной антропологии практически совпадает с определением материалистов, а не Пайка. По крайней мере, большинство современных антропологов не стали бы считать эмными структуралистские описания и согласились бы с тестом согласия Харриса. Но если так, то аргументы материалистов о невозможности сравнительных полевых исследований остаются неотвеченными, как и необоснован отказ от этных описаний при наличном сейчас определении этного – в конце концов, методологическую ценность таких описаний, как первого шага к открытию эмных систем, подчеркивал Пайк и ряд его сторонников (например, Бэрри), и нам неизвестны примеры, когда она бы кем-то отрицалась.

Как нырнуть в голову информанта за тем, чего там нет

Как показывает приведенный выше экскурс в историю спора об этном и эмном, антропологическое исследование этных категорий с использованием эмного подхода вполне возможно в том числе и в рамках той концепции антропологии, которая одержала победу тридцать лет назад и которую современные антропологи считают основой своей дисциплины. Для этого следует просто признать возможность перевода этного в эмные категории (Пайк, посвятивший большую часть жизни переводу Библии на языки коренных народов, считал, кстати, такой перевод своим основным занятием в жизни) и отказаться от взгляда на этное как на в какой-то степени привилегированное перед эмным. Иными словами, антропологическое исследование неопределенности, если мы признаем ее этной категорией, возможно, если нам удастся переопределить или описать ее в терминах, эмных для информантов, и понять, как они связаны и какую роль играют в их взгляде на мир. Такой подход делает возможным и сравнительные исследования до тех пор, пока этную концепцию можно переопределить единым образом для всех сравниваемых групп, и понятия, в которых переопределяется этная концепция, являются для них эмными. Пайк абсолютно прав – главным препятствием для сравнения эмных описаний между группами является несовпадение понятий, которым определяется их объект, и эту проблему можно решить, если допустить, что объект описания может и не обозначаться отдельным термином в этной системе.

В ходе полевой работы в Воркуте в 2022 г. обнаружилось, что слово «неопределенность» не является частью активного словаря наших информантов и, судя по всему, не связано с каким-то продуктивным значением – на вопросы о неопределенности большинство собеседников либо просили уточнить, что имеется в виду, либо просто отказывались отвечать, ссылаясь на то, что ничего не знают о неопределенности. После

этого мы внесли поправки в методологию: переформулировали этное понятие в эмных терминах. В качестве основы для «перевода» мы выбрали операционализацию понятия неопределенности в рамках антропологии будущего, предложенную Ребеккой Бриан и Даниэлем Найтом (Bryant, Knight 2019). В их операционализации (не)определенность текущей или будущей ситуации определяется прежде всего возможностью и горизонтом планирования. Эта операционализация привлекательна тем, что она, с одной стороны, сохраняет за неопределенностью статус континуума (ситуация может быть более или менее неопределенной), чего большинство других известных нам операционализаций не делают, а с другой – понятие планирования является эмным (и понятным для наших собеседников в поле).

Итак, мы переопределили неопределенность как возможность и глубину планирования и на основе этого методологического выбора составили примерный список вопросов и план наших интервью. Начинался он с вопроса о том, на какое время информант планирует свою жизнь, почему именно на этот срок, что, по его мнению, мешает или помогает ему планировать, и отличается ли он по манере и глубине планирования от других. Мы спрашивали также, легче или труднее строить планы в его регионе по сравнению с более южными (где большинство собеседников регулярно бывает), в чем состоят специфические факторы, помогающие или мешающие планированию и определяющие эту разницу (если они существуют), как можно им противостоять.

Потом мы задавали вопросы, связанные с будущим поселения, климатом, транспортной инфраструктурой, логистическими задачами, бытовыми удобствами, доступом к медицинской помощи и т.д., т.е. с тем, что во многом и определяет специфику жизни на Севере. Сами *ситуации*, с которыми неопределённость могла бы быть связана, были выделены нами, и мы намеревались проверить, связывают ли *наши собеседники* эти *ситуации* с неопределенностью (или называют их каким-то другим эмным термином) и испытывают ли по отношению к ним какие-либо чувства.

В ходе работы в Индиге в 2023 г. мы внесли дополнительные поправки в описанную методологию: после обсуждения планирования следовал прямой вопрос о значении интересующего нас термина «неопределенность» для информанта, и, хотя многие наши собеседники в Индиге, так же как в Воркуте, испытывали трудности при ответе на этот вопрос, мы просили их все-таки дать какой-то ответ. Наконец, во время полевой работы на Таймыре беседы в основном фокусировались на рисках, связанных с бездорожными перемещениями, но в конце обязательно задавались те же вопросы: что для Вас неопределенность? Когда Вы в последний раз ее испытывали?

**«Ну, я бы не сказала, что у нас тут
есть какая-то неопределенность...»**

Как показали наши исследования, ни жители Воркуты, ни обитатели Индиги⁷ не считают, что уровень неопределенности у них выше, чем в южной части страны, а возможность планировать свою жизнь меньше. Примечательно, что не только в многотысячной Воркуте, куда ведет железная дорога и летают большие самолеты, гораздо менее зависимые от погоды, но и в маленькой Индиге, где условия существования объективно сложнее, жители отвечали нам, что планировать жизнь тут им гораздо проще.

Беседа с каждым новым информантом строилась по одной и той же форме. Мы приводили одну за другой ситуации, которые могли бы поставить под вопрос успешное планирование и стать источником неопределенности, и спрашивали о гипотетических сложностях. В ответ наши информанты говорили, что здесь нет особых сложностей, поскольку они умеют с ними справляться. На наши рассуждения о том, что рейс может не прилететь в нужное время, отвечали, что добраться до пункта назначения можно, поскольку когда-нибудь рейс все равно будет, и что, зная о возможных задержках, никто не покупает билеты на пересадку «вприкрык» («это же глупо»). Если речь заходила о том, что делать, если вдруг не привезут уголь (в беслесной тундре топливо для обогрева появляется только с северным завозом в навигацию, который в год нашего приезда едва не был сорван), нам отвечали, что они уголь всегда покупают не на год вперед, а с запасом, поэтому его хватит на какое-то время («а когда-нибудь все равно привезут»). Вопросы, связанные с логистикой и доставкой тяжелых грузов, также вполне решаемы, только не надо пытаться все сделать за один раз: например, планируя ремонт или строительство дома, разумно один год отвести под закупку и доставку материалов, а ремонтировать или строить – уже на следующий год.

Подобные диалоги показывают, что для ситуаций, которые, по нашему мнению, могли бы создавать неопределенность, жители поселка выработали некоторые приемы, позволяющие по большей части избегать серьезных неприятностей и волнений. Среди них важное место занимает тактика, которую условно можно обозначить как «припуски на швы». Она учит никогда ничего не иметь в обрез, ничего не планировать встык, заставляет всегда иметь запас – времени, еды, угля, лекарств и т.д. Эту тактику, дающую уверенность и спокойствие, мы наблюдали почти у всех наших информантов. По-видимому, она в том или ином виде распространена на всем Севере⁸. Другая тактика заключается в гибком планировании – готовности быстро и без особых переживаний перестроить текущие планы, сообразуя их с изменившимися обстоятельствами. Мы не раз слышали от людей: «Я стараюсь планы не строить», «Я билеты

заранее не покупаю», «Ты там сел – запланировал: вот завтра – это, послезавтра – то... На Севере так не получится». Парадоксальным образом, люди не только отрицали, что жизнь на Севере более непредсказуемая, – они утверждали прямо противоположное: что именно тут, на Севере, предсказуемость гораздо выше.

Как уже упоминалось, в Индиге часто возникают сложности с доставкой продуктов. Большей частью их завозят летом, в короткую навигацию, а затем лишь поддерживают ассортимент, привозя небольшие партии продуктов к праздникам вертолетами или по земле бездорожным транспортом. Поэтому мы спрашивали, не возникает ли у жителей Индиги ощущения неуверенности и связанных с ним переживаний в отношении «продовольственной безопасности». Однако информанты и в этом случае убеждали нас, что с этим у них нет проблем: напротив, жизнь в поселке дает уверенность, что ты точно не останешься голодным, даже если у тебя не будет денег и работы, поскольку продовольственная безопасность, препятствующая неопределенности и дающая уверенность в завтрашнем дне, обеспечивается *доступом к местным ресурсам, умением их добывать* и социальными связями. Люди утверждают, что их положение в поселке гораздо более определено, чем в городе, где, если ты почему-то останешься без денег, можно умереть от голода⁹. На Севере, с точки зрения наших информантов, это невозможно в принципе: река полна рыбы, в тундре водится дичь и растут ягоды, и всё это можно есть и продавать; рядом живут родственники, у которых есть олени, а значит, мясо тем или иным образом можно будет достать, купить или выменять. Об этом нам твердили на разные лады: *«Здесь очень сложно с голоду умереть!»*, *«Тут только ленивый не ловит рыбу! Хотя нет, ленивый – ловит только для себя...»* или *«Тут подножный корм есть, если денег не будет, мы в любом случае выживем!»*.

Местные жители осознают, что социальные связи являются одной из основ, создающих определенность жизни на Севере и уверенность в завтрашнем дне и в том, что все трудности решаемы. Это понимание прекрасно сформулировала наша собеседница – немолодая одинокая женщина, с которой мы обсуждали, станет ли для нее проблемой, что скоро замерзнет ручей, из которого она сейчас берет воду. Она утверждала, что труднее ей не будет: *«Я тут живу, я знаю, за какую ниточку потянуть, кого попросить, чтобы мне привезли»*.

По мнению информантов, есть еще два важных фактора, в связи с которыми определенность жизни в их поселке оказывается значительно выше, чем в городах, где они бывают. Это происходит, во-первых, за счет неизбежности и предсказуемости ежедневной рутины деревенской жизни, отнимающей больше сил, чем у обитателей благоустроенных домов, но одновременно жестко задающей каркас повседневности: жителям Индиги необходимо не только ходить на работу, заботиться о детях

или готовить еду, но и регулярно топить печь, доставлять воду, удалять помои и т.д.¹⁰ Второй важный фактор, создающий предсказуемость, – сезонность поселковых занятий: все знают не только когда наступит Новый год, День поселка или начало учебного года, но и когда начнется гусиная охота, «распута»¹¹, пойдет корюшка или навага, наступит сезон озерной рыбы, будет забой оленей, а когда придет пора собирать ягоды. Такая сезонность задает ритм жизни поселка и делает ее предсказуемой и гораздо более определённой, чем могли бы ожидать исследователи.

Объяснения многих наших собеседников, почему им удобнее планировать свою жизнь в поселке, сводились к тому, что здесь они гораздо больше контролируют свою жизнь, чем где-то на юге. *«Здесь предсказуемое – потому что многое зависит от тебя, как ты поработал – так у тебя все и есть»*, – говорила нам уроженка Индиги. *«Тут жить проще, чем в большом городе, потому что зависишь от себя»*, – вторила ей в другом разговоре учительница, приехавшая в поселок несколько лет назад из Элисты. Ту же мысль, но чуть иначе сформулировал и молодой мужчина, долгое время работавший за пределами поселка и недавно вернувшийся жить в Индигу: *«Нарьян-Мар большой город – там нет свободы»*.

Наши собеседники приспособились организовывать жизнь так, чтобы объективные северные сложности как можно меньше мешали осуществлению их планов, для чего выработали различные механизмы и тактики, ставшие неотъемлемой частью их повседневности. Иными словами, наши собеседники как бы «приручили» существующие объективные трудности и «одомашнили» тот вариант неопределенности, который мы приехали искать.

Можно было бы предположить, что умение жить в непростых условиях Севера и навыки, позволяющие справляться с порождаемыми этими условиями трудностями, – гибкость в планах, терпение, привычка делать «припуски на швы», проявляющиеся в первую очередь в предусмотрительности и запасливости, – все это могло бы как-то по-особому осмысляться, обсуждаться или даже героизироваться жителями Севера. Однако похоже, что все эти умения и навыки скорее рутинизированы, без особой причины не обсуждаются, и только наши настойчивые расспросы изредка провоцировали людей на пояснения, что *«это – Север, тут так планировать нельзя»*.

Таким образом, выяснилось, что та часть наших исследовательских представлений о неопределенности, которую мы переформулировали в эмных терминах и попытались предъявить информантам, не используя самого слова «неопределенность», не была ими соответствующим образом опознана. Жители Индиги не считают, что те ситуации, о которых мы спрашивали, каким-то образом связаны с неопределенностью и не испытывают по поводу этих ситуаций специальных чувств. Наше исследовательское предположение и реальность информантов в этом месте абсолютно не совпали.

Что же такое неопределенность?

Исследование на этом не остановилось, поскольку в конце разговора мы обязательно задавали жителям Индиги еще два вопроса: «А что такое неопределенность для Вас?» и «Когда Вы последний раз испытывали неопределенность?».

Эти два вопроса переключали исследование с оценки информантами тех ситуаций, которые мы определили как неопределенность, на то, как *наши собеседники* сами понимают этот термин, какие ситуации с ним могут связывать и какие чувства у них могут появиться. Поскольку эти вопросы задавались информантам после¹² долгих расспросов о планировании и ситуациях, которые, как нам кажется, могли мешать его успешному осуществлению, то вполне можно было бы ожидать, что эти разговоры повлияют на собеседников и, отвечая, они вольно или невольно подстроятся под наше понимание неопределенности. Однако этого не произошло – мы не получили ни одного ответа, в которых бы наши собеседники утверждали, что неопределенность для них может порождаться тем типом ситуаций, которые мы с ними перед этим обсуждали.

Личная и глобальная неопределенность

С самого начала следует отметить важную особенность ответов наших информантов¹³. Размышляя о неопределенности, они часто противопоставляли макроуровень и личную жизнь, например:

Сейчас как-то здесь в моей сугубо личной жизни все как будто бы так стабильно и движется в понятном мне направлении, ну, если не брать глобальное мироощущение, вот, это, конечно... там у нас что-то вот такое странное происходит, где никогда нет стабильности. Вот, а то, что касается именно вот нашего внутреннего здесь, оно все понятно, все стабильно, движется по понятной мне траектории (Индига, ж., 35 л., педагог).

Примечательно, что наш вопрос «что такое неопределенность для Вас?» они понимали как вопрос о неопределенности на индивидуальном уровне и свои рассуждения строили именно вокруг него. Мы ни разу не получили от собеседников развернутых размышлений о связи «неопределенности для меня» и глобального мира, хотя вообще речь об устройстве этого мира, существующих в нём сложностях и конфликтах периодически заходила, но только не в контексте неопределенности.

В зависимости от того, как информанты отвечали на прямые вопросы о значении слова «неопределенность», их условно можно разделить на три группы.

К первой относятся те из них, кто затруднялся с ответом и утверждал, что лично не знает, что такое неопределенность. Некоторые добавляли, что никогда ее не испытывали: «У меня такого никогда не бывало».

«Нет, я такого никогда у себя не замечал, дак не знаю». Некоторые даже смущённо смеялись от того, что не могут ответить на этот вопрос:

Е.Л.: Когда Вы последний раз испытывали чувство неопределённости?

Инф.: Я? (пауза, потом смущенно смеется). Ну, блин! Ну, вот, честно говоря...

В тупик меня поставили! (Индига, м., 45 л., ЖКХ).

При этом ответить, что такое неопределённость, на макроуровне люди могли гораздо чаще, чем что такое неопределённость лично для них:

Ну, вот я понимаю, в стране неопределённость... Там СВО и все такое прочее...

А вот что такое лично для меня? Не знаю! (Индига, ж., 55 л., педагог).

Эти ответы невозможно объяснить ни тем, что наши собеседники недостаточно владеют русским языком, ни скрытым отказом рассуждать на эту тему. Все жители Индиги говорят по-русски совершенно свободно, а у большинства русский – родной и основной язык общения. Кроме того, подобные ответы мы получали от людей, которые прониклись к нам искренней симпатией и с которыми мы подружились. Были те, кто пытался рассуждать, перебирая примеры, но в итоге не справлялся и отказывался дать определение: *«нет, какая же это неопределённость? Это ситуация решаемая была. Не знаю тогда...»*. Одна из информанток на следующий день после интервью сообщила, что всю ночь размышляла, что же такое неопределённость для нее лично, но так и не смогла понять, *«хотя это и смешно»*.

Со-конструирование значения

Материалы интервью, собранные на Таймыре, расширяют круг реакций на вопрос *«что такое неопределённость?»* и обозначены нами как со-конструирование значения в процессе беседы. Дебаты об интересубъективности знания, получаемого в интервью¹⁴, разумеется, были известны нам и принимались во внимание при рассмотрении всех материалов, однако именно для случаев такого типа справедливость тезиса о производстве значения в диалоге особенно очевидна. Эти случаи объединяет то, что первой реакцией на вопрос о неопределённости у наших собеседников была растерянность: длительные паузы хезитации, переспрашивание, вербализация недоумения. Однако вместо заявления об отсутствии такого термина, как в первом случае, в ходе диалога информанты предлагали определения и приводили примеры ситуаций, которые они считали неопределёнными, а также говорили о чувствах, возникавших у них в подобных ситуациях. Приведем два примера таких диалогов.

1. Семейная пара тундровиков, кочующая с апреля по октябрь, а на зиму переезжающая в поселок и переходящая на «вахтовое» кочевание. (Инф. 1 – м., 1974 г.р.; Инф. 2 – ж., 1973 г.р.)

В.В.: Вот, вот вообще для вас слово «неопределенность» что-нибудь значит? Вот как бы вы его определили? Что такое неопределенность? Пользуетесь ли вообще таким словом?

Инф. 1: Неопределенность?

Инф. 2: Кайдагый кэ? [долг. Как сказать?¹⁵].

Инф. 1: **Неопределенность – это ничего не знаешь, что ли?**

В.В.: Ну вот да.

Инф. 1: Ну вот примерно так, скажем. Неопределенность... Туок диэккэ һэбий кэ [долг. Что можно сказать], как же сказать? **Есть в голове, но не выходит** (смеется). По-русскому не выходит.

В.В.: Ну может пример какой-нибудь?

Инф. 2: Что не будет... нет, **будет, не будет... Или что?**

Инф. 1: Неопределенность...

Инф. 2: А вдруг что-то будет, а не знаешь, да?

В.В.: Угу, угу.

Инф. 1: Ну... (пауза).

Инф. 2: Ну а вдруг будет. Все равно **ты готовишься, все равно знаешь, что это, ну, предстоит у тебя. Впереди. Вдруг это, вот это, все равно... что-то надо. Иметь с собой, например.**

В.В.: Ну вот когда вы последний раз это чувство испытывали, неопределенность? (Пауза.) В связи с чем?

Инф. 1: Дьэ боппуруостар эбит [долг. Ну и вопросы!].

В.В.: Да, сложный, знаю (смеются). Самой не нравится этот вопрос.

Инф. 2: Бэйэгит отто наскылаакка барагыт буо [долг. **Ты же едешь в Саскылах**]... Неопределенность.

Инф. 1: А, неопределенность, это когда это... Не знаешь, **найдут или не найдут.** Вот это.

В.В.: То есть когда просто ждешь, что найдут?

Инф. 1: Ну. А на душе-то нашли, наверное, думаешь. А там-то не нашли (смеется). Вот это, значит, неопределенность. Вот так, вот примерно.

В.В.: А что про дорогу, про дорогу в Саскылах Вы сказали сейчас?

Инф. 2: Нет... что, как... ну как? Дороги нету там.

Инф. 1: Тоже неопределенность.

Инф. 2: **А вдруг куда-то не так повернул куда-то.** Не определился.

В.В.: То есть такая неуверенность, да?

Инф. 2: Ну (пауза). Еще один [когда едешь].

В.В.: Ну да. То есть риск такой, да?

Инф. 2: Ну всегда один. Ну, тьфу-тьфу-тьфу.

В.В.: Да.

Инф. 2: Все хорошо.

Инф. 1: В тундре тоже...

Инф. 2: Он скажет: я сейчас поеду. И вот приеду. И так получается, да? Ага. Надо? Надо. Доехать. И надо приехать. Пока дорога есть, пока это.

Инф. 1: Пока молодые, надо ходить. **А то состаримся – не будем ходить**, говорят.

Инф. 2: А что – ноги болят? (смеются). Не можешь ходить.

В.В.: А в тундре, что вы начали говорить? Что тоже там неопределенность?

Инф. 1: Ну, неопределенность. **Волки придут. Съедят и не съедят [олений].** Это тоже же неопределенность.

<...>

В.В.: Ну то есть даже не уверены, что там через год все еще будете... кочевать, да?

Инф.1: Тоже большие... Тоже... не... ясность.

В.В.: Неопределенность.

Инф.1: Неопределенность (смеется). Да, это точно неопределенность. Вот это точно.

В начале диалога очевидно затруднение с ответом на вопрос о значении термина «неопределенность». Можно с уверенностью сказать, что в активном словаре информантов это понятие отсутствует, однако при этом какие-то смыслы с ним связываются (см. «есть в голове», «по-русскому не выходит»). Далее из-за навязчивых вопросов интервьюера всё же очерчивается круг значений. Во-первых, с неопределенностью связываются ситуации, в которых нужно принимать меры предосторожности («вдруг будет») и – вероятно, в связи с содержанием предыдущей длительной беседы о стратегиях перемещения на снегоходе по бездорожью – диалог поворачивается в сторону безопасности в поездках. Выясняется, что при возникновении экстренной ситуации чувство неопределенности связывается с бездействием («не знаешь, найдут или не найдут»). Примечательно, что в предшествующем обсуждении рассказ о случаях снегоходных поломок и аварий всегда завершался активными действиями участников: они неизменно принимали решение о том, чтобы идти до населенного пункта или тундрового стойбища пешком, даже если они расположены в нескольких днях пути по заснеженной тундре. Единственной возможностью было переждать пургу, не надеясь на помощь извне¹⁶. Информант комментирует, что неопределенность в поездке в одиночку по бездорожью (типичная практика, особенно среди тундровиков) связана с сопровождающими её сомнениями и страхами («свернул не туда»). Во-вторых, собеседница для иллюстрации термина приводит в пример потерю способности ходить, т.е. самостоятельно обеспечивать себя в повседневной жизни в тундре, связанной с тяжёлым физическим трудом. В-третьих, примером является нападение волков на стадо оленей – ситуация, особенно опасная при нынешнем, «вахтовом», методе выпаса. И, наконец, она говорит о неясном будущем – речь идет об угрозе перемен в их образе жизни в связи с малочисленностью стада и отсутствием поддержки и соглашается на интерпретацию ситуации как неопределенности, предлагаемую интервьюером («Да, это точно неопределенность»).

2. Также семейная пара тундровиков, но почти на поколение старше, сейчас кочует летом через год, всё холодное время года проводит в посёлке; супруга на длительное время приезжала в посёлок и работала воспитательницей в детском саду (Инф. 1 – м., ок. 1960 г.р.; Инф. 2 – ж., ок. 1960 г.р.)

В.В.: Вот вы когда-нибудь используете вообще слово «неопределенность» для себя?

Инф. 1: Неопределенность?

В.В.: Да.

Инф. 1: Я даже не знаю.

Инф. 2: Неопределенность чего?

В.В.: Ну вот слово «неопределенность» вообще как-то используете? Я не знаю, может вы... ощущение неопределенности какое-то испытывали? Когда-нибудь (пауза, Инф.1 смеется).

В.В.: Наверное, нет, да?

Инф. 1: Нет.

В.В.: (Усмехается). Что вот такое неопределенность?

Инф. 1: Неопределенность – это сейчас жизнь такая, что...

Инф. 2: Вообще неопределенная.

Инф. 1: До конца уверенным не будешь. Вот только так.

Инф. 2: Неопределенность.

В.В.: А в каком смысле вот сейчас неопределенность жизни? В смысле что это война или что это?

Инф. 2: Нет.

Инф. 1: Нет.

Инф. 2: Сейчас всё, **что угодно можно ожидать.**

Инф. 1: Вот... неопределенность это...

В.В.: А в смысле ну вот всё, что угодно ожидать – в смысле, я не знаю там, что... то **дикий [олень] идет, то дикий не идет?** (Инф. 2: Да.) Или вы в каком смысле?.. В каком отношении неопределенность, скажем так?

Инф. 2: В каком отношении, ну это...

Инф. 1: Неопределенность – жизнь как повернется, неизвестно всё.

Инф. 2: Жизнь... Нет, ну может же такое, что, например, [нрзб]

Инф. 1: Сейчас **насчет этих... горюче-смазочных трудно.**

Инф. 2: На каком бензине поедешь и вдруг это... Они же точно не знают, что...

Инф. 1: **Не знаешь, откуда брать еще там.**

В.В.: В смысле вы не уверены в качестве бензина, да, и в том, что он там нормальный?

Инф. 1: Ну нет, качество-то есть, наверное.

В.В.: А, или не уверены, что вообще достанете бензин?

Инф. 1: **Да, откуда приобрести надо. Вот я не уверен.**

В.В.: То есть каждый раз это вот по-разному, да?

Инф. 1: Каждый раз нужно куда-то ездить [нрзб] просить надо.

Инф. 2: Нет, ну это неопределенность... не назовешь. Это **совсем другое** же.

Инф. 1: Неопределенность сейчас...

Инф. 2: **Ну это не неопределенность**

Инф. 1: Без горючего это... куда не поедешь тоже.

Инф. 2: Сейчас неопределенность в другом.

В.В.: А вы попробуйте привести пример какой (пауза).

Инф. 1: Неопределенность (усмехается).

Инф. 2: Ну, неопределенность – мы же не знаем, на **сколько, например, поедем, например, и на сколько можем застрять**, например. Тоже неопределенность это. Или кто-то... **поможет нам кто-нибудь в чем-то или нет.** Ну, даже вот... Например, эти, соседей даже если взять. Могут они помощь какую-то оказать. Неопределенность, мы не уверены же в этом. Например, ехали, ехали. Они приехали, а нас бросили, может. Такое же может такое быть.

Инф. 1: Туок [долг. Что такое] неопределенно (усмехается).

Инф. 2: Ну, не знаю, неопределенность...

В.В.: А сейчас вот больше стало в жизни, чем раньше или столько же?

Инф. 2: Такой неопределённости?

В.В.: Да. Это в целом просто жизнь такая неопределённая или сейчас как-то стало хуже?

Инф. 2: **Раньше мы вообще не думали, что неопределённости** никакой не будет. А сейчас...

Инф. 1: **Раньше было ясно и понятно.**

Инф. 2: Мы сейчас постарели, поэтому может сейчас так. Поэтому [нрзб].

Инф. 1: А сейчас непонятно, что за жизнь.

Инф. 2: [? И не думала, что] есть такое слово – неопределённость.

Инф. 1: Когда и работы ничего нет. Если **работа была бы – то определённость** **какая-то была бы.**

Инф. 2: Вот как **совхозы** наши вот **уничтожили**, вот неопределённость появилась в это время уже. Ну, я... быстренько всё это... этот, больше не стала ездить, в двух тысяче третьем году, всё, сказала я. Я на работу устраиваюсь. Детей надо мне обучить. Вообще никакой неопределённости не было. Денег не было вообще.

В.В.: Ну понятно, да.

Инф. 2: И двадцать лет здесь отработала. Двадцать лет я аргизишла, получается.

В.В.: Ну да. И вы, соответственно, **устроились** специально, получается, чтобы какая-то определённость появилась?

Инф. 2: Да-да-да, **специально, чтобы определённость появилась. Что я обучу детей.**

В этом случае в начале диалога неопределенность как понятие выступает имманентным свойством существования («сейчас жизнь такая») – его непредсказуемостью («жизнь как повернется»). При этом попытки интервьюера предложить варианты глобальных ситуаций безуспешны: пример внешнеполитической ситуации отвергается, а пример снижения численности дикого оленя, основного ресурса для заработка, просто остается без внимания. Вместо этого информант предлагает свой пример: поиск топлива для снегохода, причем не его качество, как изначально подумал исследователь, а именно нестабильность схем его приобретения. Впрочем, супруга не соглашается с таким примером. Следующий пример, как и в цитате 1, вдохновлен длительным обсуждением тундровых поездок в первой части интервью: ситуация неопределенности – это поломка и ожидание помощи («поможет нам кто-нибудь или нет»). Дальше обсуждение возвращается к неопределенности как описанию ситуации, причем нынешнее положение дел противопоставляется времени, когда существовал оленеводческий совхоз и «было ясно и понятно». Разрушение этой системы социальных гарантий, по словам собеседницы, заставило ее переселиться на длительное время в поселок – стабильная зарплата была необходима, чтобы поставить детей на ноги. Интересно также отметить, что дальнейшее обсуждение, оставшееся за пределами приведенной цитаты, касалось инициативы семейной пары по организации крестьянско-фермерского хозяйства (КФХ) как формы возвращения социальных гарантий и, следовательно, снижения неопределенности.

Итак, мы видим, что в рассмотренных случаях неопределенность как понятие, ситуация и чувство однозначно присутствует у информантов и они, хоть и с большими затруднениями, но описывают эту область понятий. Совершенно очевидно также, что сами бы они это слово не стали использовать. Возникают вопросы: как описать эту ситуацию в категориях эмного и этного? Является ли понятие неопределенности этным из-за того, что его никогда бы не употребили сами информанты? И наоборот: можно ли это понятие считать до конца эмным, если мы фактически вынудили их очертить круг его значений? Со-конструирование кажется более подходящим термином именно потому, что позволяет выйти за пределы этой дихотомии.

Интересно обратить внимание на то, какие ситуации и чувства включаются в категорию неопределенности. Беседы с информантами показывают, что это и тревоги по поводу нестабильности источников ресурсов, и беспокойство при необходимости ожидать помощь, и отсутствие работы и ясных перспектив, и угроза кочевому образу жизни. На проверку оказывается, что приведенные примеры объединяет следующее: как неопределенность классифицируются те ситуации, в которых человек лишен возможности управлять положением дел, а возвращение определенности связывается с возможностями активных действий по созданию КФХ или многодневному пешему путешествию к безопасности. Особенно примечательно, что, несмотря на то что в этих и других не вошедших в рассмотрение интервью мы, прежде чем перейти к обсуждению понятия неопределенности, долго и подробно говорили о стратегиях поведения в экстренных ситуациях при поездке на снегоходах: впервые эмоциональная оценка выбора между пассивным ожиданием и активными действиями по спасению себя возникла только благодаря вопросам о неопределенности. До этого только косвенные признаки в рассказах о решениях, принятых в том или ином случае, указывали на нежелательность ожидания, но благодаря вопросу о неопределенности очевидной стала именно эмоциональная окраска, сопровождающая этот выбор.

Моральная оценка неопределенности: «Я не такой человек!»

Последняя и самая неожиданная для нас категория – люди, которые знали, что такое неопределенность, но категорически и очень эмоционально отрицали, что когда-либо лично ее испытывали. Квинтэссенцией этих ответов может стать возглас одной из наших собеседниц: «Я не такой человек!»

Именно эта эмоциональность отрицания привлекла наше внимание: поначалу у нас даже возникло ощущение, что информанты говорят о чем-то совершенно отличном от того, о чем мы их спрашивали:

Инф.: Я не знаю. У меня нет такого. Никогда не было! Я не знаю, что такое неопределенность (смеётся).

К.И.: И Вы никогда не чувствовали?

Инф.: Нет. Никогда! Нет! Был когда-то момент, когда я вот бросила институт, может быть был, но! Я почему-то всегда была уверена, что у меня все получится! То есть, я мечтала о чем-то, у меня всегда в голове были мечты, я всегда строила себе будущее. И... в большинстве своем оно обретало потом конкретные черты в реальности (смеётся). Не знаю, неопределенности ни разу не чувствовала. Ни разу! В жизни... Ну, это, наверное, зависит от человека, от его возможностей, от стремлений, я не знаю. Вот. И я знаю, что у меня есть будущее и я живу, потому что я знаю, что я когда-то сделаю свой [проект] (Индига, ж., 50 л. педагог).

Для нашей собеседницы, как следует из этого отрывка, неопределенность не может иметь место там, где есть мечты и планы на будущее. Кроме того, она связывает чувство неопределенности с внутренними свойствами человека. Позже оказалось, что это не единичное мнение и что оно достаточно распространено. В следующей цитате учительница утверждает, что у нее в семье не бывает неопределенности, потому что они всегда действуют, а не размышляют и боятся:

Неопределенность – когда что? (задумалась). Может быть, когда не знаешь как бы о финансовом благополучии, потом получится или нет реализовать какие-то цели? Свои, вот опять же, связанные с обустройством где-то детей там в городе, где-то еще. Вот. А в целом? Мы... Мы как-то не думаем. Мы вообще в семье постоянно делаем, у нас нет такого, чтобы мы сидели и думали, как нам жить дальше. Ну... Мы просто делаем (хохочет). Просто я не понимаю, когда говорят «депрессия», «я ничего не хочу», чего-то там еще... Кто-то там начинает страдать, кто-то не хочет жить из-за чего-то там и т.д. Они просто не работают! (смеётся) <...> У меня нет времени задумываться, бояться! (Индига, ж., 44 г., педагог).

Понятно, что в круг представлений, связанных с неопределенностью, каким-то образом включены мечты, цели, собственное «я» и личные действия, а противопоставлено этому отсутствие стремлений, невозможность и нежелание действовать. Понять, как устроена эта конфигурация отношений, помог разговор с женщиной, приехавшей работать в поселок пять лет назад. Эта собеседница призналась, что однажды в своей жизни она столкнулась с неопределенностью: это было сильнейшее переживание, которое случилось как раз перед тем, как они с мужем переехали в Индигу.

Е.Л.: Что такое неопределенность?

Инф.: (сразу). Когда человек не знает, чем он будет заниматься, как он будет жить, как он будет поступать. Я думаю, что это так. Это самое страшное, когда у человека есть какая-то неопределенность! (Индига, ж. 50 л. медик).

Мы ожидали, что далее последует рассказ о том, как беспокойно ей было ехать из привычного места, где они прожили много лет, на Крайний Север, где вообще не было знакомых. Оказалось, что дело совершенно не в этом, а в том, что её младший сын поступил учиться в вуз и

прошел только на платное отделение. В результате сложилась ситуация, когда они с мужем не могли оплатить обучение двоих детей, но при этом она не могла и сказать детям, что они не будут учиться: *«Я не спала несколько ночей, не знала, как выкрутиться и поступить. Вот это была неопределенность единственная. А так были сложности, но решались»*.

Таким образом, для нашей собеседницы и ее мужа неопределенностью оказалась ситуация, когда нельзя оставить все как есть, нужно найти выход, вы его мучительно ищите, но не можете найти и это порождает непереносимое для вас состояние, которое очень тяжело переживается. После того как они нашли выход и решили поехать работать на Север, ни о какой неопределенности речь уже не шла, дальше были только «решаемые сложности».

Эта история стала своеобразным ключом к высказываниям остальных информантов, которые оказались более понятными после того, как мы посмотрели на них с этой точки зрения. Оказалось, что подобные же идеи содержатся в рассуждениях самых разных жителей поселка и фельдшера из Сибири, и учительницы из Индиги, и маячника, переехавшего в поселок из Грузии.

Следующее характерное высказывание принадлежит начальнику службы ЖКХ, родившемуся в архангельской деревне, чья жизнь связана с регулярными и интенсивными перемещениями по бездорожной тундре:

Е.Л.: А у Вас когда-то было, ну, чувство неопределенности?

Инф.: Ну... Да, нет, вроде! (смеется) такая, чтобы конкретно? Ну, по мелочам только. То есть не знаешь, сегодня пойти в этих кроссовках или тех, ну, – неопределенность (смеется). А вот в чтобы конкретно, в жизненных каких-то ситуациях, сложных – нет, не было! <...> Всегда есть выход, всегда есть, ну, как сказать... возможность решения проблемы... можно обратиться, на худой конец, к людям! Которые тебя знают, которые тебе помогут всегда. Выход есть всегда! (Индига, м., 45 л., ЖКХ).

В своих рассуждениях он связывает неопределенность с отсутствием у человека цели и каких-то ясных намерений в жизни, считая, что в таких случаях человек теряется и деградирует. Примером людей, живущих в состоянии неопределенности, по его мнению, являются деревенские алкоголики, потерявшие какие бы то ни было ориентиры в жизни. Очевидно, что и в данном случае неопределенность оказывается связана с личными свойствами человека, его намерениями и целями, его *личным желанием* найти выход и стремлением действовать. И именно эта связь заставляет его утверждать, что у *него* не может быть неопределенности.

О том же говорит молодой фельдшер, приехавший работать в поселок несколько лет назад из Архангельской области: *«Неопределенность? Не сталкивался. Я всегда знаю выход!»*

Один из самых эмоциональных и насыщенных ответов на вопрос о неопределенности дал работающий маячником уроженец Грузии:

У меня никогда ее не было!!! Вот честно говорю! У меня никогда не было паники, что будет завтра. Не-опре-деленность (медленно выговаривает это слово). Я не знаю... Если у тебя часто бывает неопределенность, значит, ты неправильно живешь. Ты что-то делаешь не так! А может – в голове много тараканов? (улыбается). Надо быть всегда уверенным! Даже в самые плохие моменты не надо руки опускать (Индиго, м., 50 л., маячник).

Очевидно, что паника, опущенные руки, нерешительность – это не о ситуации, в которой человек оказался, а о самом человеке, его представлениях о себе и его агентности, о том, как он с ситуацией справляется. Более того, высказывания информантов свидетельствуют, что для них неопределенность оказывается не только эмоционально, но и морально нагружена: *«Ты неправильно живешь! Ты что-то делаешь не так!»*

После того как мы собрали и проанализировали множество подобных рассуждений о неопределенности, стало понятно, что категорическое утверждение нашей первой собеседницы, занявшей позицию, что она лично никогда не испытывала неопределенности, поскольку «я не такой человек!», не является отклонением от общего понимания, а напротив, связано с распространенными устойчивыми представлениями о личности, агентности и морали. Примечательно, что эти представления объединяли и мужчин, и женщин, людей разного уровня образования и профессий, тех, кто родился и вырос в Индиго и его окрестностях, и тех, кто сравнительно недавно приехал в поселок.

Интересно, что наши настойчивые расспросы о неопределенности показали, что у информантов есть представления о разных типах планирования. Точнее всего, как кажется, это различие, к которому отсылали многие информанты, сформулировал смотритель маяка, который прямо противопоставил два вида планирования. В ходе разговора он несколько раз повторял, что на Севере нельзя строить планы, а когда речь зашла о неопределенности, вдруг сказал, что у него нет неопределенности и что *«человек должен сам планировать всё и не надеяться на дядю Васю какого-то, кто придет и поможет. Ты сам должен на себя надеяться»*. Поскольку противоречие между его не раз сказанном первым утверждением («планы строить не надо») и вторым («планы строит надо») бросалось в глаза, мы попросили его пояснить, что он имеет в виду.

Инф.: Вот «неопределенность»! И «строить планы»! – это совсем что-то другое. Неопределенность – это когда у тебя опущены руки и ты потерялся. Ты не знаешь, че... Ну, не знаю! А планы – это когда ты там сел – запланировал: вот завтра – это, послезавтра – то... На Севере так не получится. Ты можешь кучу планов настроить и ни хрена не сделать. Не надо больших планов стоять! Надо какие-то... это даже не планы! Это не планы... Это какие-то... пожелания... «Планы» – это грубо... это очень громко сказано!!!

Е.Л.: То есть «планы» – это неправильное слово?

Инф.: Это раньше была там – «пятилетка» и все: план надо выполнить, хоть че сделай. А здесь – это не планы, я не считаю, что это планы какие-то. Это, наверное, пожелания! Поступить так. Делать так.

Таким образом, с точки зрения наших информантов, существуют планы – жесткие и конкретные, как «советская пятилетка» (можно условно их назвать «планы-расписание»); строить их на Севере, по мнению большинства наших информантов, неблагодарное дело. Другой тип планов – планы-намерения, планы-мечты, планы-цели – иметь их необходимо¹⁷, иначе ты «потеряешься», и вот тут-то и наступит неопределенность.

Оказалось, что для многих информантов, не видящих проблем в незаезженных грузах или неприлетевшем самолете, неопределенность как эмная категория все же существует. Однако она связана в первую очередь *не с ситуациями*, порождающими тревожность, неясность и непонятые риски, а с тем, как *сам человек* переживает существующее положение дел. В этой конструкции неопределенность влечёт за собой бессилие, панику, растерянность, потерю веры в себя, своей мечты, неясность целей и намерений, неспособность найти выход из ситуации. Эта неопределенность представляет собой *крайне негативное состояние*, с которым нужно так или иначе справляться, в первую очередь действовать самому, а также опираясь на помощь близких и знакомых. Не справиться, отказаться от борьбы, планировать, перестать ставить цели и мечтать, как следует из ответов, – стыдно. Для многих невозможно даже подумать, что кто-то считает, что *ты* можешь часто чувствовать неопределенность. В этом случае разговор о неопределенности связан с довольно сильными эмоциями.

Выводы

Ситуации, когда эмные понятия и конструкции, обнаруживаемые исследователем-антропологом в поле, не совпадают с положенными в основу его исследовательского проекта этными понятиями и конструкциями, нередки. Обычно такое несовпадение вызывает лишь незначительные сложности. Но иногда заявленный объект исследования вообще не определяется в эмной реальности информанта или определяется совершенно иначе, и тогда возникающие сложности могут поставить все исследование под угрозу. Чтобы избежать подобных ситуаций, некоторые исследователи – теоретики полевой работы (например, Aull Davies 1998; Okely 2012) предлагают отказаться от формулирования целей и задач проекта и изучать то, что «найдется в поле». Однако такой подход не всегда возможен, поэтому актуальным остается поиск инструментов для решения описанной проблемы.

Наш проект – пример такой ситуации: понятие «неопределённость» вообще отсутствовало в активном словаре информантов или имело другой объем, что поставило под угрозу исследование в том виде, в каком оно было запланировано. Проанализировав историю представлений о соотношении этного и эмного в полевом исследовании, мы пришли к выводу, что указанные сложности можно разрешить с применением трех исследовательских инструментов: 1) переформулировка нашего этного понятия в эмных терминах; 2) поиск эмного значения понятия «неопределённость» и соотнесение его с этным; 3) со-конструирование понятия у информанта – провоцирование его трактовать слово «неопределённость» и формулировать своё понимание этого слова.

Применение этих инструментов дало следующие результаты. Для исследованных сообществ характерно понимание неопределенности на двух разных уровнях: глобальном и личном. События в мире, хоть и признаваемые нашими информантами в качестве примеров неопределенности, никогда в круг актуальных для них неопределенностей не включались. В этом случае можно говорить о разделении на «неопределенность для меня» и «неопределенность для всех». Это перекликается с замечанием Матеаса Пелкманса, предпочитающего категории неопределенности термин *сомнение* как более связанный с индивидуальным переживанием, содержащий значительно больше агентности (Pelkmans 2013: 17). Он, таким образом, подмечает особенность категории «неопределённость», которая потенциально вмещает в себя онтологически довольно разнообразные вещи – от ритуального маркирования политической ситуации как неблагоприятной до глубокой личной эмоции. Актуальный круг значений для наших информантов (точнее, тех из них, кто имеет свое представление об этом понятии) связан именно с личным уровнем: неопределенность для них направлена не на ситуацию, а на ощущение себя в возникших обстоятельствах. Неопределенность может быть связана с моральной оценкой и эмоциональным отношением к переживанию этого чувства самим говорящим и другими людьми («Я не такой человек»).

Подобное понимание термина ещё более затрудняет сравнение наших материалов с исследованиями тех сообществ, для которых он оказывается беспроблемным, и его «эмность» не ставится под сомнение. Невозможно сказать, что информанты не знакомы с современным дискурсом риска, ведь, как мы неоднократно подчеркивали, эти сообщества, несмотря на свою удаленность, находятся в тесной связи с остальной территорией страны как практически, так и в отношении информационного поля. Однако у наших информантов категория неопределенности однозначно отсутствует в активном словаре, является «спящей». Такое отличие вызывает не только методологические затруднения, но и открывает новые возможности, позволяя задуматься, какое приращение знаний

дает исследование столь эпистемически сложной для изучаемого сообщества категории.

Вопрос о неопределенности оказался инструментом, позволяющим вскрыть пласт представлений, к которым было довольно трудно подобраться иными путями. В рассмотренных примерах эти вопросы становились ключом к представлениям о значении планирования, стратегиям обеспечения продовольственной безопасности и выстраивания социальных связей. В случае Таймыра именно вопрос неопределенности открыл доступ к эмоциональному отношению людей к рискам, с которыми они имеют дело, передвигаясь по бездорожью, о чём они никогда не говорили, пока речь шла непосредственно об опыте таких перемещений. Иными словами, вопрос о неопределенности оказался способом добраться до тонкой материи конфигураций агентности в этой культуре.

О какой бы неопределенности ни шла речь – той, которая определяется исследователями, или той, что есть в головах информантов, она может проявляться в разговоре в трех формах, которые имеет смысл аналитически различать: 1) наличие самого понятия «неопределенность», 2) ситуации неопределенности и 3) чувства, которые с неопределенностью могут связываться.

В Индиге мы сначала задавали людям вопросы, которые связаны с неопределенностью, но не предъявляли им самого термина «неопределенность». То есть мы работали с этным понятием и этным набором ситуаций, а интересовало нас, соответствуют ли этому понятию и ситуациям какие-то эмные понятия и чувства (т.е. имеющиеся у информантов). Этот подход позволил увидеть, что не существует связей между тем, как мы выделили неопределенность, и каким-либо единым эмным понятием и эмным набором чувств у информантов. Если бы мы на этом остановились, то мы бы решили, что у информантов, возможно, вообще отсутствует какая бы то ни было эмная концепция неопределенности.

На следующем шаге мы, используя классический метод выяснения эмных понятий, представлений и концепций, пытались обнаружить *эмное* значение слова «неопределенность» и выяснить, с какими *чувствами* и *ситуациями* оно у информантов связывается. В результате мы получили три варианта ответов.

В первом случае информанты утверждают, что в их собственном (эмном) репертуаре нет слова «неопределенность», они не знают ни его значения, ни ситуаций, к которым оно бы могло быть применено, ни чувств, связанных с этим понятием. Фактически у этих людей действительно нет эмной концепции неопределенности.

Во втором случае у наших собеседников оказалось что-то вроде эмного «спящего понятия», которое, хотя активно самостоятельно и не используется, но в диалоге с исследователем со-конструируется, причем важно, что информант не следует слепо за подсказками исследователя, а

имеет свою логику: с этим понятием связан эмный набор чувств и ситуаций, причем он мало соответствует этному, которое мы предлагали изначально.

В последнем случае у людей есть чёткое представление о неопределенности, они свободно оперируют им как эмным понятием и с ним связаны достаточно сильные негативные чувства. Однако используется это понятие неожиданно для нас, поскольку относится скорее к личности человека, переживающего ситуацию, чем к самой ситуации, и к тому же нагружено моральными смыслами.

Таким образом, сначала мы пытаемся установить соотношение между этными и эмными компонентами неопределенности, а затем понять, как устроены и с чем связаны эмные представления. На следующем этапе нам следует сравнить эмную и этную конфигурации неопределенности. Может возникнуть соблазн предположить, что найденные эмные конфигурации – это какая-то совершенно иная неопределенность, фактически омоним нашей этной, поскольку круг явлений, к которому оно приложимо, совершенно иной, хотя для разных людей оказались значимы разные аспекты социальной жизни: для кого-то неопределенность возникла из-за невозможности оплатить обучение детей в вузе, а кому-то было важно не ждать помощи при поломке в тундре. Неопределённость в представлениях наших информантов оказалась не там, где мы ее искали, и в эмоциональной сфере: мы предполагали, что она будет связана с негативными чувствами (например, тревога и беспокойство), но набор этих чувств стал для нас неожиданным – например, стыд, смущение или возмущение тем, что кто-то мог подумать, что «у него есть неопределенность».

Однако при более детальном анализе мы вынуждены были признать, что все эти концепции имеют нечто общее, они: а) касаются будущего; б) строятся вокруг возможности планировать (только речь идет не о планах-расписаниях, а о планах-намерениях); в) сопровождаются чувствами; г) связаны с агентностью и возможностью действовать. Эти пункты, безусловно, сходны с нашим изначальным этным определением неопределенности. Эти выводы ценны потому, что позволяют установить не только эмный взгляд на мир информантов, но и его связь с этным взглядом и, таким образом, сделать наши выводы релевантными для смежных наук.

Использованные методы заставляют задуматься о еще одном аспекте дихотомии этного и эмного, имеющем более широкое значение. Наш проект показал, что эмные понятия информантов вполне могут меняться в ходе исследования под воздействием исследователя. Этот факт является одним из аспектов влияния наблюдателя на наблюдаемое, которое, разумеется, не является чем-то новым: критика позитивизма часто включает ссылки на это влияние (см. например, Latour, Woolgar 1986). Однако

нам неизвестны работы, где бы обсуждалось влияние эффекта наблюдателя на дихотомию эмного и этного. Между тем это влияние может быть значимым, и если его учесть, то указанная дихотомия может стать если не бессмысленной, то, по крайней мере, проблематичной. Методологические инструменты, связанные с понятием «неопределённость», имеют более широкую теоретическую значимость и применимы для исследования других сложных понятий.

Неопределенность является стандартным понятием в социологии и экономике: в этих науках феномен неопределенности принимается во внимание при анализе и влияет на его результаты. Антропология может дополнить этот анализ описанием того, как люди «на земле» осмысливают и чувствуют неопределенность, принимают ее во внимание и, таким образом, существенно уточнить, как и почему неопределенность влияет или не влияет на поведение. Такая детализация способствовала бы прогрессу нашего совместного с социологами и экономистами понимания «человеческого состояния». Однако для этого нужно найти способы интеграции этного понятия неопределенности, которым оперируют коллеги из указанных наук, с эмными описаниями, которые могут предоставить антропологи. Нам кажется, что подход, который мы применили, в какой-то степени решает эту задачу.

Примечания

¹ Хотя в недавней истории антропологии были влиятельные публикации, отрицающие и эту возможность (см., например, выдержавшую три издания Aull Davies (1998); см. также Michrina, Richards 1996).

² Эти вопросы оказались в центре внимания на секции «Антропология неопределенности: понятия, аффекты, нарративы» (модераторы Екатерина Мельникова, Зинаида Васильева), посвященной дискурсам и практикам релокантов, на конференции «Антропология неопределенности: жизнь в переломные эпохи», 24–26 октября 2024 г. (Ереван, Армения).

³ Между 1989 и 2020 г. количество жителей агломерации сократилась почти в три раза, с 214,5 до 73 тысяч человек (Istomin 2021: 8).

⁴ «Да не смешаешь ты эмное и этное в своем анализе социальной жизни человека».

⁵ Пайк был специалистом по языкам коренных народов Америки – отрасль лингвистики, до сих пор считающаяся в США частью антропологии. Поэтому его преподавательская и исследовательская деятельность была связана с отделениями антропологии нескольких американских университетов, где он взаимодействовал в основном с культурными антропологами – факт, оказавший, несомненно, большое влияние на становление его научных воззрений и направление его теоретических изысканий.

⁶ В настоящей работе мы используем вторую редакцию труда Пайка, опубликованную в 1967 г. Она содержит некоторые изменения и дополнения по сравнению с первой редакцией 1954 г.

⁷ В этом разделе обсуждаются материалы, собранные в Индиге и Воркуте, так как именно там мы проверяли, связаны ли для информантов с неопределенностью выделенные нами ситуации.

⁸ В одном из ямальных поселков, например, хозяйки время от времени покупали белый хлеб впрок и замораживали его, зная, что пекарь в какой-то момент, скорее всего, запьет и в магазине ничего не будет, и тогда они его разморозят и у семьи будет свежий хлеб.

⁹ Ср. анализ подобных размышлений в других местах на Севере (Лярская, Гаврилова 2020; Васильева, Гаврилова 2022).

¹⁰ Одна из наших информанток иронично назвала эти неизбежные повседневные заботы «сельским многобьем – дрова, вода, помои».

¹¹ Местное название распутицы.

¹² То, что мы задавали вопрос о неопределенности после беседы, представляется методологически важным, поскольку это позволило: а) избежать трудностей, с которыми пришлось столкнуться в Воркуте, когда с информантами, озадаченными в самом начале вопросом «что такое для Вас неопределённость?», дальше было тяжелее вести беседу, и б) не смешивать использование эмного и этного значения термина «неопределённость».

¹³ Несмотря на то что в каждом из разделов рассматриваются материалы только из одного населенного пункта, описываемые тенденции характерны также и для остальных исследованных регионов.

¹⁴ Подробно о различных научных направлениях, рассматривающих разговор и, в частности, интервью как ситуацию, в которой происходит не просто трансфер знания, а его совместное конструирование в процессе взаимодействия участников, см. (Касаткина 2019).

¹⁵ Благодарю Д.-В.И. Пименову за проверку корректности транскрипции и перевода.

¹⁶ Ср. с противоположными установками, транслируемыми в современном дискурсе спасения: «Если Вы всё-таки потерялись, то <...> Оставайтесь на месте. Это первый закон, которому мы учим всех детей, пришедших знакомиться с правилами безопасности “ЛизаАлерт”. Оставаясь в сухом месте в ожидании помощи, вы не уходите дальше в лес, не рискуете травмироваться в темноте, не теряете силы, не мокнете под дождём, не удаляетесь от спасателей, не проваливаетесь в болото, поэтому это наиболее безопасный вариант» (источник: <https://lizaalert.org/pravila-povedeniya-v-lesu/>).

¹⁷ Авторы благодарят А.И. Карасеву за помощь в подборе терминов, обозначающих эти разные виды планирования.

Список источников

- Васильева В.В., Гаврилова К.А. Обменные практики и социальные сети как механизмы преодоления дефицитов в локальных сообществах Таймыра и Камчатки // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 99–131. doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-54-99-131
- Глобальное потепление: Картография российских климатических наук / под ред. А. Екайкина, О. Бычковой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2024.
- Истомин К.В., Вахтин Н.Б. Фактор неопределенности в современных сообществах Крайнего Севера РФ: методологические подходы к изучению // Проблемы Арктики и Антарктики. 2022. № 68(4). С. 420–436.
- Карасёва А.И. Неопределенность вне «голов информантов»: значение языкового регистра // Антропология неопределенности: жизнь в переломные эпохи : материалы IV ежегодной конф., 24–26 октября 2024 г. Ереван, 2024.
- Касаткина А.К. Дачные разговоры как объект этнографического исследования: разработка метода (на материале интервью об освоении садовых участков в 1980–1990-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019.
- Кузнецов А.Г., Руденко Н.И. Как объяснить технологические аварии? «Человеческий фактор», социальный конструктивизм и онтологический поворот в изучении неопределенностей беспилотных автомобилей // Социология власти. 2021. № 33 (4). С. 97–146.
- Лярская Е.В., Гаврилова К.А. Размер и его значение: о социальных сетях и социальном комфорте на Ямале и Камчатке // «Дети девяностых» в современной российской Арктике / отв. ред. Н.Б. Вахтин, Ш. Дудек. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2020. С. 324–398.

- Петров К.А. Концепт риска в техноэтике: кейс атомной энергетики // ВДНХ-XVII : общерос. науч. конф., 22–23 марта 2024 г. СПб., 2024.
- Функ Д.А. Антропология в условиях неопределенности. Размышления о динамике и статике научного творчества // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 106–111. doi: 10.17223/2312461X/43/7
- Aull Davies C. Reflexive Ethnography: A Guide to Researching Selves and Others. New York: Routledge, 1998.
- Bernstein P.L. Against the gods: The remarkable story of risk. New York: Wiley, 1996.
- Berry J.W. Imposed Etics, Emics, and Dervied Etics: their Conceptual and Operational Status in Cross-Cultural Psychology // Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate / ed. by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990. P. 84–99.
- Bryant R., Knight D.M. The Anthropology of the Future. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Dewey J. The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action. New York: Milton, Balch and Co., 1929.
- Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate / ed. by T.N. Headland, K.L. Pike, M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990.
- Geertz C. The Interpretation Of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books, 1973.
- Goodenough W.H. Cultural anthropology and linguistics // Report of the Seventh Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Study / ed. by P.L. Garvin. Washington: Georgetown University Press, 1957. P. 167–177.
- Goodenough W.H. Description and Comparison in Cultural Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Harris M. Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture. New York: Random House, 1979.
- Harris M. Emics and Etics Revisited // Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate / ed. by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990. P. 48–61.
- Harris M. Theories of Culture in Postmodern Times. London: Altamira Press, 1999.
- Harris M. The rise of anthropological theory. London: AltaMira Press, 2001.
- Istomin K.V. “Who would want to lay down into the permafrost?”: an attempt to explain differences in migration rates, strategies and attitudes in two Russian northern cities // Acta Bo-realia. 2021. № 38 (2). P. 104–130. doi: 10.1080/08003831.2021.1980686
- Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1986.
- Levi-Strauss C. Structuralism and Ecology // Social Science Information. 1973. № 12 (1). P. 7–23.
- Michrina B.P., Richards C. Person to Person: Fieldwork, Dialogue, and the Hermeneutic Method. New York: State University of New York Press, 1996.
- Modes of Uncertainty: Anthropological Cases / ed. by L. Samimian-Darash, P. Rabinow. Chicago: University of Chicago Press, 2015.
- Murray G.F. Anthrpology, Evangelization, and Abortion: Applications of Emics and Etics // Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate / ed. by T.N. Headland, K.L. Pike, M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990. P. 143–163.
- Okely J. Anthropological Practice: Fieldwork and the Ethnographic Method. London: Routledge, 2012.
- Pelkmans M. Outline for an Ethnography of Doubt // Ethnographies of Doubt: Faith and Uncertainty in Contemporary Societies / ed. by M. Pelkmans. London: I.B. Tauris, 2013. P. 1–42.
- Pike K.L. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. Hague: Mouton & co., 1967.
- Pike K.L. On the Emic and Etics of Pike and Harris // Emics and Etics: The Insider/Outsider

- Debate / ed. by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990. P. 28–47.
- Porter T.M. The rise of statistical thinking, 1820–1900. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Porter T.M. Trust in numbers: The pursuit of objectivity in science and public life. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Sahlins M. In anthropology, it's emic all the way down // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2017. № 7(2). P. 157–163. doi: 10.14318/hau7.2.020
- Social Theories of Risk and Uncertainty / ed. by J.O. Zinn. Oxford: Blackwell Pub, 2008.

References

- Vasil'eva V.V., Gavrilova K.A. (2022) Obmennye praktiki i sotsial'nye seti kak mekhanizmy preodoleniia defitsitov v lokal'nykh soobshchestvakh Taimyra i Kamchatki [Exchange Practices and Social Networks as Means of Coping with Shortages in Local Communities of Taimyr and Kamchatka], *Antropologicheskii forum*. 54. pp. 99–131. doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-54-99-131
- Global'noe poteplenie: Kartografiia Rossiiskikh klimaticheskikh nauk [Global Warming: Mapping Russian Climate Sciences] / ed. by A. Ekaikin, O. Bychkova. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2024.
- Istomin K.V., Vakhtin N.B. (2022) Faktor neopredelennosti v sovremennykh soobshchestvakh Krainego Severa RF: metodologicheskie podkhody k izucheniiu [Uncertainty factor in contemporary communities of the Russian Arctic: methodological approaches to research], *Problemy Arktiki i Antarktiki = Arctic and Antarctic Research*, 68(4), pp. 420–436.
- Karaseva A.I. (2024) *Neopredelennost' vne «golov informantov»: znachenie iazykovogo registra*. Doklad na konferentsii «Antropologiya neopredelennosti: zhizn' v perelomnye epokhi», 24–26 oktiabria 2024 goda (Erevan, Armeniia) [Uncertainty beyond the “heads of informants”: the importance of the linguistic register. Paper presented at the conference “The Anthropology of Uncertainty: Living in Pivotal Times”, October 24–26, 2024 (Yerevan, Armenia)].
- Kasatkina A.K. (2019) *Dachnye razgovory kak ob"ekt etnograficheskogo issledovaniia: razrabotka metoda (na materiale interv'iu ob osvoenii sadovykh uchastkov v 1980-e—1990-e gg.)*. Diss. ... kand. ist. nauk [Dacha Conversations as an Object of Ethnographic Research: Method Development (Based on Interviews on the Development of Garden Plots in the 1980s–1990s). Dissertation of the Cand. of Historical Sciences]. St. Petersburg.
- Kuznetsov A.G., Rudenko N.I. (2021) Kak ob"iasnit' tekhnologicheskie avarii? “Chelovecheskii faktor”, sotsial'nyi konstruktivizm i ontologicheskii povорот v izuchenii neopredelennosti bespilotnykh avtomobilei [How to Explain Technological Accidents? The “Human Factor”, Social Constructivism, And The Ontological Turn In Exploring The Uncertainties Of Autonomous Vehicles], *Sotsiologiya vlasti*, 33(4), pp. 97–146.
- Liarskaia E.V., Gavrilova K.A. (2020) Razmer i ego znachenie: o sotsial'nykh setiakh i sotsial'nom komfote na Iamale i Kamchatke [Size and its meaning: about social networks and social comfort in Yamal and Kamchatka]. In: *«Deti devianostykh» v sovremennoi rossiiskoi Arktike. Kollektivnaia monografiia* [“Children of the Nineties” in the Russian Arctic. Collective Monograph]. Ed. by N.B. Vakhtin, S. Dudeck. St. Petersburg: Izdatel'stvo EU SPb, pp. 324–398.
- Petrov K.A. (2024) *Kontsept riska v tekhnologii: keis atomnoi energetiki. Doklad na konferentsii «VDNKh-XVII», 22–23 marta 2024 goda (EUSPb, Sankt-Peterburg)* [The concept of risk in technoethics: the case of nuclear energy. Report at the conference “VDNKh-XVII”, March 22–23, 2024 (EUSPb, St. Petersburg)].
- Funk D.A. (2024) Anthropology in Uncertain Conditions. Thoughts on the Dynamics and Statics of Scientific Creativity. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 106–111 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/43/7

- Aull Davies C. (1998) *Reflexive Ethnography: A Guide to Researching Selves and Others*. New York: Routledge.
- Bernstein P.L. (1996) *Against the gods: The remarkable story of risk*. New York: Wiley.
- Berry J.W. (1990) Imposed Etics, Emics, and Dervied Etics: their Conceptual and Operational Status in Cross-Cultural Psychology. In: *Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate* / edited by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., pp. 84–99.
- Bryant R., Knight D.M. (2019) *The Anthropology of the Future*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dewey J. (1929) *The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action*. New York: Milton, Balch and Co.
- Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate* / edited by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990.
- Geertz C. (1973) *The Interpretation Of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books.
- Goodenough W.H. (1957) Cultural anthropology and linguistics, In: *Report of the Seventh Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Study* / edited by P.L. Garvin. Washington: Georgetown University Press, pp. 167–177.
- Goodenough W.H. (1970) *Description and Comparison in Cultural Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harris M. (1979) *Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture*. New York: Random House.
- Harris M. (1990) Emics and Etics Revisited. In: *Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate* / edited by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd, pp. 48–61.
- Harris M. (1999) *Theories of Culture in Postmodern Times*. London: Altamira Press.
- Harris M. (2001) *The rise of anthropological theory*. London: AltaMira Press.
- Istomin K.V. (2021) “Who would want to lay down into the permafrost?”: an attempt to explain differences in migration rates, strategies and attitudes in two Russian northern cities, *Acta Borealia*, 38(2), pp. 104–130. DOI: 10.1080/08003831.2021.1980686
- Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Levi-Strauss C. (1973) Structuralism and Ecology, *Social Science Information*, 12(1), pp. 7–23.
- Michrina B.P., Richards C. (1996) *Person to Person: Fieldwork, Dialogue, and the Hermeneutic Method*. New York: State University of New York Press.
- Modes of Uncertainty: Anthropological Cases* / edited by L. Samimian-Darash and P. Rabinow. Chicago: University of Chicago Press, 2015.
- Murray G.F. (1990) Anthrpology, Evangelization, and Abortion: Applications of Emics and Etics. In: *Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate* / edited by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., pp. 143–163.
- Okely J. (2012) *Anthropological Practice: Fieldwork and the Ethnographic Method*. London: Routledge.
- Pelkmans M. (2013) Outline for an Ethnography of Doubt. In: *Ethnographies of Doubt: Faith and Uncertainty in Contemporary Societies* / edited by M. Pelkmans. London: I.B. Tauris, pp. 1–42.
- Pike K.L. (1967) *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior*. Hague: Mouton & co.
- Pike K.L. (1990) On the Emic and Etics of Pike and Harris. In: *Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate* / edited by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., pp. 28–47.
- Porter T.M. (1986) *The rise of statistical thinking, 1820–1900*. Princeton: Princeton University Press.

- Porter T.M. (1996) *Trust in numbers: The pursuit of objectivity in science and public life*. Princeton: Princeton University Press.
- Sahlins M. (2017) In anthropology, it's emic all the way down, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 7(2), pp. 157–163. <https://doi.org/10.14318/hau7.2.020>
- Social Theories of Risk and Uncertainty* / edited by J.O. Zinn. Oxford: Blackwell Pub, 2008.

Сведения об авторах:

ИСТОМИН Кирилл Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социальных исследований Севера, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kistomin@eu.spb.ru

ЛЯРСКАЯ Елена Владимировна – кандидат исторический наук, старший научный сотрудник Центра социальных исследований Севера, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rica@eu.spb.ru

ВАСИЛЬЕВА Валерия Владиславовна – кандидат исторический наук, старший научный сотрудник Центра социальных исследований Севера, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vvasilyeva@eu.spb.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kirill V. Istomin, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kistomin@eu.spb.ru

Elena V. Liarskaya, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: rica@eu.spb.ru

Valeria V. Vasilyeva, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: vvasilyeva@eu.spb.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 29 ноября 2024;
принята к публикации 30 января 2025.*

*The article was submitted 29.11.2024;
accepted for publication 30.01.2025.*